

ТЕОРЕТИЧНІ СТУДІЇ

УДК 81`22

МИХАИЛ ЛАБАЩУК, професор
Akademia Techniczno-humanistyczna w Bielsku-Bialej

КАТЕГОРИЯ КОНЦЕПТА В СОВРЕМЕННОЙ СЕМИОТИКЕ

В данной статье описывается семантика и прагматика лексической единицы концепт. Вначале подается общая структура семантики лексемы концепт, с тем, чтобы далее сосредоточиться на своеобразии современного функционирования термина концепт, в частности, причин его популярности, его содержания, прагматики, а также перспектив данного термина для современной семиотики. Отличия категории концепта от лексикографических дефиниций значения лексемы представлены на примере семантики и прагматики концепта *закон* в русской когнитивной картине мира.

The article describes semantics and pragmatics of the lexical formative *concept*. At first, the general structure of the semantics of the lexical item *concept* is given to focus on the peculiarity of the term *concept* current functioning, namely the reasons of its popularity, its content, pragmatics, and also the above-mentioned term prospects for the present-day semiotics. Differences between the category of *concept* and lexicographical definitions of the lexical item meaning are represented by semantics and pragmatics of the concept *law* in the Russian cognitive worldview.

Термины *понятие* и *концепт* синонимичны лишь на поверхностный взгляд. Ю. С. Степанов, например, отмечает: «В настоящее время они [концепт и понятие] довольно четко разграничены»¹. Данные термины, имея много общего, столь же во многом отличаются.

Во-первых, этимологически они восходят к разным традициям и эпохам. Лексическая единица *понятие*, возможно, является калькой от слова концепт: «*концепт*, от глагола *concipere* «зачинать», т. е. значит буквально «поятие, зачатие»; *понятие* от глагола *пояти*, др.-рус. «схватить, взять в собственность» (Степанов...).

Во-вторых, эти термины многозначны, точнее омонимичны. Проанализируем семантику лексической единицы *концепт*. В славянской традиции лексическая единица *концепт* функционирует только как термин, причем, это термин омонимичный, который поэтому распадается на два знака (при лексико-семантическом анализе лексической единицы *концепт* мы пользуемся традиционной лексикографической символикой – цифра перед термином означает омонимичный термин, а цифра после термина означает один из полисемичных вариантов термина):

Концепт

1концепт

2концепт

1 – 1концепт: традиционный термин в значении минимальной единицы аналитического мышления (в последнее десятилетие в научных исследованиях используется редко) – и в этом значении он является синонимом термину *понятие*,

¹ в дальнейшем все ссылки на Ю. С. Степанова даются по источнику: Степанов Ю. С. Концепт <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm> 30.07.2013

2 – 2концепт: в последнее десятилетие очень активно функционирующая полисемичная лексическая единица в общем значении «*минимальная единица синтетического мышления*», в которой также можно выделить два значения:

а) концепт1: онтологическая единица синтетического мышления – обыденного арефлексивного (Ю. С. Степанов: «единица действительности особого рода – ментальной действительности»),

б) концепт2: гносеологическая единица синтетического мышления – научного, рефлексивного (Ю. С. Степанов: «гипотеза исследователя, которую он строит по поводу [единицы ментальной действительности (концепта1 – М. Л.)]»).

(2концепт)

Концепт1

концепт2

Можно дискутировать о том, какое из значений: концепт1 или концепт2, - является более прагматичным или реальным. Эти дискуссии будут относиться к вопросу о том, как и чем мы мыслим – словами, формальными моделями, понятиями, образами, архетипами, синкретами, амальгамами или ассоциативными блоками? А также это вопрос о том, можно ли интенсифицировать мышление, качественно наполнить его конденсированными синэстетическими единицами.

Таким образом, мы имеем две омонимичные лексемы *концепт* (1концепт и 2концепт), в свою очередь лексема 2концепт является многозначной и имеет два значения *концепт1* и *концепт2*. В структуре 2концепта можно выделить еще и значение *в)концепт3* как эйдетический метафизический сверхличностный эпифеномен, как это представлено, например, в концептологии Ю. С. Степанова. В разработке теории концептосферы Ю. С. Степанов пошел еще дальше выводов теории семиосферы Ю. Лотмана и считал единство вещей и имен реальным и неразрывным.

В свою очередь, проанализируем также лексему *понятие*. Слово *понятие* является и термином, и обыденным словом. В обыденном значении слово *понятие* приобретает (в составе фразематических сочетаний) обобщенное значение *знание*, ср.: *я без понятия, понятия не имею*; ср. также в сленге: *жить по понятиям* (арготизм, вошедший в обиходное использование) – жить по специфическим нормам деловых и обыденных отношений (и в этом ряду будут такие лексемы арго как *беспредел, откат, распил* и под.).

В качестве термина *понятие* – это одна из минимальных единиц обыденного и логического мышления, и именно в этом значении единица *понятие* синонимична лексической единице *1концепт* (в вышеотмеченном нами значении), но не синонимична лексической единице *2концепт*.

Предметом нашего анализа является термин *2концепт*.

Термин *2концепт* – термин современный, синтетический, постмодернистский. Это термин достаточно модный, по критерию семантической дублетности стоящий в том же ряду, что и термины рецепция (восприятие), наррация (повествование), когнитивный (познавательный), дискурс (высказывание, текст) и др. Можно попытаться оценочно охарактеризовать этот термин: он является не совсем удачным, почти излишним, имеет тенденцию диффузности, и несмотря на это, является широкоупотребительным. В целом этот термин находится в стадии становления, возможно, он перспективен в развитии. Концепт – это, своего рода, компромисс в поисках идеала новой синтетической, синэргетической единицы мышления в противовес атомарности традиционных единиц мышления – понятие, значение, лексема, смысл, денотат, образ, референт и др. Много в этом термине является искусственным, слабо структурированным, и даже дефиниции и характеристики его противоречат друг другу. Нельзя ограничиться только тем, чтобы сказать, что концепт – это ключевое понятие культуры, и считать, что этим снимается проблема. И не только по той причине, что размыты критерии термина *ключевое понятие культуры*. Термин *концепт* наполняется разным содержанием в зависимости от методологического подхода исследователя.

Например, Ю. С. Степанов развивает семиологическую идею взаимопроникновения вещей и имен, гипостазируя концепты до уровня универсальных надличностных и надэтнических феноменов. Вот лишь некоторые положения, утверждения и цитаты, подтверждающие данную идею: «коллективное бессознательное как вещь», «действительно существующее коллективное сознание», «материальные предметы могут нести духовный смысл», «концепты могут «парить» над концептуализированными областями», «границы познания концептов обнаружались как «сверху» - в сфере абстрактных определений, так и «снизу» - в сфере индивидуального опыта», «мы будем рас-

смаатривать ряды концептов и ряды «вещей» как параллельные», «идеи живут в ментальном времени или, быть может, вне времени вообще» и под.

Ю. С. Степанов понимает концепт как концептуализированную предметную сферу, как синонимизацию слов и вещей в культуре: «это такие случаи, когда вещь - в той мере, в какой вещь может иметь «смысл» - по этому своему смыслу сближается с каким-либо словом». «Под понятием «концептуализированной предметной области» в языке и культуре мы понимаем такую сферу культуры [а концепт – основополагающая ее единица: М. Л.], где объединяются в одном общем представлении (культурном концепте) - слова, вещи, мифологемы и ритуалы (конечно, в каждом конкретном случае не обязательно должен наличествовать весь перечисленный набор этих сущностей). В пределах отдельной концептуализированной области» слово и ритуальный предмет, слово и мифологема, и т.д. могут особым образом семантически совмещаться - выступая заместителем или символизатором одно другого. Этот процесс концептуализации в сфере культуры мы называем «синонимизацией вещей и слов». ...в культуре не только слова, но и материальные предметы могут нести духовный смысл; между духовной и материальной культурой нет резкой непреходимой границы (выделения автора)». При этом Ю. С. Степанов акцентирует «различие между сознательным (сознаваемым) и бессознательным слоями [в действительно существующих] коллективных сознаниях или представлениях».

Как мы уже выше отмечали, термин концепт является активно функционирующим в исследованиях и по этой причине в разных теориях значительно отличающимся по содержанию. Практически все исследователи отмечают несемантическую сущность и основу концепта, при этом знак признается только частью концепта (причем, необязательной частью). Например, И. Стернин и А. Кравченко следующим образом определяют характерные черты концепта – И. А. Стернин: «глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания», «концепт не имеет обязательной связи со словом», «Ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова (лексемы), именующего концепт»; А. В. Кравченко: «эмпирическая сущность концепта становится доступной для анализа благодаря языку, тем не менее не является собственно языковым феноменом». И в этой широте содержания, его неоднозначности, очевидно, состоит наибольшая проблема концепта как исследовательской единицы, в которой теряется возможность и основа единства и структурирования ее составляющих.

В качестве основ концепта (поскольку единой и доминантной основы не выделяется) в исследованиях называется целый ряд сущностей, наиболее часто – это образ, представление, значение, понятие, метапонятие, архетип, константа, осмысленный предмет или явление, обычай, ритуал, бессознательное представление, культурный феномен и под. В итоге получается, что концепт – это своеобразный комплекс (клубок) разнородных составляющих. Этим объясняется произвольность его выделения и структурирования. Например, А. А. Мельникова использует методику исследований, почти во всем подобную методике Ю.С. Степанова и с подобными результатами, но совершенно не пользуется термином концепт, ограничиваясь традиционными терминами лексема, понятие, значение, слово, лексическая единица.

Отметим наиболее существенные аспекты термина концепт, приводимые в качестве значимых в отдельных современных исследованиях:

Попова З. Д., Стернин И. А.: «глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания», «мышление человека невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. Люди мыслят концептами, кодируемыми единицами этого кода. Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу», «концепт не имеет обязательной связи со словом»¹

Степанов Ю. С.: «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека», «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека», «у концепта одна главная форма - слово или словосочетание, равное слову, - имя».

Аскольдов С. А.: «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли определенное множество предметов одного и того же ряда»².

И. А. Стернин: «Ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова (лексемы), именующего концепт (например, свобода, тоска, общение, душа, вера, свобода и т. п.). Пополняет содержание концепта анализ синонимов, симилиаров, антонимов ключевой лексемы».

¹ ссылки на интернетные издания подаются в списке литературы

² см.: Сорокина А. В. Концепт в системе культуры: философский, культурологический, лингвокогнитивный подходы, [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2011_1\(21\)/23.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2011_1(21)/23.pdf) 30.07.2013

А.Д.Кошелев: «Концептом мы будем называть пару когнитивных единиц: прототипический Образ – антропологическая Характеристика, связанных отношением интерпретации, указывающим, что Образ является носителем Характеристики. Тем самым базовый концепт задает класс единиц жизненного мира человека (осмысленных картинок), сходных по двум параметрам: образу (картинке) и характеристике (ее осмыслению). Прототипический образ (гештальт) задает «объективную» составляющую элементов категории, доступную перцептивной идентификации: форму, плотность, структуру и под. Антропоцентрическая характеристика, или человеческая интерпретация, приписываемая образу, фиксирует «объективную» составляющую элементов категории – свойства, значимые для человека и его нужд. Она указывает возможные (желательные и нежелательные) виды взаимодействия с этим образом, его полезность, эмоциональную оценку и под. Тем самым образ становится элементом человеческой категоризации мира» (Кошелев, 2008: 24-25).

Эта произвольность, неструктурированность и противоречивость функционирования категории концепта является причиной нередкой критики. Возможно, крайним примером критики является следующий:

Кравченко А. В.: «концептологические «штудии» - пример лингвистического шаманизма, где вместо камлания мы слышим малопонятные заклинания в виде концептологических «постулатов»... «эмпирическая сущность концепта становится доступной для анализа благодаря языку, тем не менее не является собственно языковым феноменом... объединяет в себе перцептивные, сенсомоторные, эмоциональные и языковые составляющие». А. В. Кравченко предлагает считать концептом определенную единицу состояний и процессов активности нейронных структур нервной системы как единицы памяти и опыта, а также соответственно как объект междисциплинарных исследований.

Обобщение того, чем является концепт в современных научных текстах, можно представить в следующем виде:

- это гипотетический онтологический феномен национальной картины мира, достаточно неопределенный, функционирующий в сознании и мышлении для целей индивидуальной практики и социальной коммуникации;

- гносеологическое понятие, термин, то есть исследовательский инструмент для познания онтологии отмеченного онтологического феномена, а вместе с тем, что очень важно, для его создания.

В нашем понимании концепт – это:

- в онтологическом отношении коннотативно ассоциированное ключевое понятие, это социально релевантный, но онтологически личностный феномен,

- в гносеологическом отношении функционально-прагматический конструкт для целей исследования и структурирования коннотативно ассоциированных, социально и культурологически релевантных понятий.

Итак, в характеристике и в функционировании концепта можно выделить три главных черты:

- 1 – семиотический характер концепта (семиотичность – лишь составляющая часть концепта),

- 2 – культурологический характер концепта (это интегральная, органическая единица сознания и мышления, произвольная и культурологически мотивированная единица индивидуального сознания и социальной коммуникации),

- 3 – многовекторный характер этого феномена (либо многослойный его характер – Ю. С. Степанов: «Концепт складывается из слоев различного времени происхождения»). Это слои: - этимологический, - семиотический, - структурно-семантический, - прагматический, - онтологический. Ю. С. Степанов: «Мы хотим лишь подчеркнуть особую природу, особый характер отношений описаний концептов - к действительности: они описывают действительность, но действительность особого рода - ментальную. И уж во всяком случае, они имеют по крайней мере одно очень твердое основание - буквальный смысл обычая, представления, верования, термина, слова. Это всякий раз - исходная точка и дальнейшего развития концепта в самой ментальной действительности, в действительно существующем коллективном сознании, и в развитии гипотезы исследователя, которую он строит по этому поводу».

Как недостатки отмеченного содержания термина концепт и особенностей его функционирования в современных исследованиях мы отмечаем следующие:

- это феномен эфемерный, проблематичный с точки зрения своей онтологии, термин концепт не имеет четкой структуры и плана выражения (означающего). Ю. С. Степанов отмечает: «во всех концептах складываются, суммируются, идеи, возникшие в разное время, в разные эпохи, - исто-

рическое время, «хронология», вообще не играет при этом роли. Важны лишь ассоциации, сложения гармонирующих друг с другом идей (в концептах - «семантических признаков»).

- это феномен тенденциозно надличностный и социоцентричный, несмотря на то, что в нем часто акцентирован его индивидуальный характер проявления: «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» (Ю. С. Степанов).

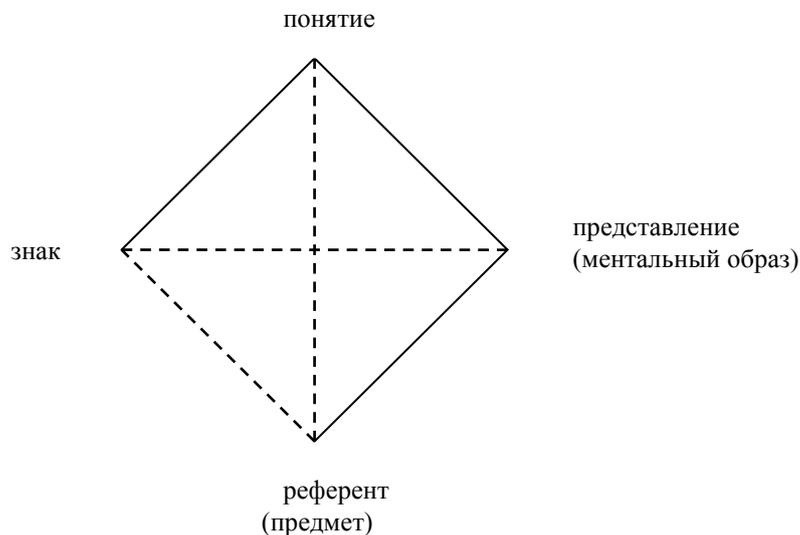
Преимуществами содержания и прагматики термина концепт мы считаем следующие:

- этот термин синтетичен и синэргетичен,

- он прагматичен и эффективен, особенно в действии принципа комплементарности, то есть это эффективный в дополнительном отношении термин, по крайней мере он имеет потенциал быть таким.

Для дальнейшего анализа термина *концепт*, а также в дополнение и в развитие традиционного семиотического треугольника мы представим семиотический квадрат, в котором референт выносится за рамки семиотического треугольника (фактически референтом становятся представление или ментальный образ, смежностно соположенные денотату).

Семиотический квадрат

В данном семиотическом квадрате в наибольшей степени концепту должно бы соответствовать понятие, однако в современных исследованиях концепт интерпретируется также и как знак, и как представление или образ, а нередко и как сам референт (например, в семиологии Ю. С. Степанова). Схематически часть представленного семиотического квадрата (без референта) может быть представлена как основная структурная единица когнитивной картины мира, в которой понятию соответствует понятийная картина мира, вербальному знаку соответствует языковая картина мира, а элементарному представлению соответствует образная картина мира.

**Структура когнитивной картины мира
(обобщенной инвариантной картины мира / семиосферы /
концептосферы / концептуальной картины мира)**

Наложение (а точнее, встраивание) части семиотического квадрата (без референта) на схему когнитивной картины мира представляет структурное место элементарного знака в когнитивной картине мира. Любой знак (будь то вербальный либо какой другой – например, жестовый, ритуальный, архитектурный и т. д.) является структурной единицей общей картины мира индивидуума и отличается от каждого другого подобного знака, хотя и построен по общей модели знакообразования. Наиболее важным является то, что каждый знак занимает четко определенное место в когнитивной картине мира, выполняет незаменимую функцию и при этом почти всецело определяется другими знаками и их функциями в когнитивной картине мира. Можно утверждать без преувеличения, что для строгости функционирования и для терминологической оправданности термина *концепт* (в анализируемом нами его современном варианте *2концепт*) оптимальным его объемом и содержанием было бы соответствие его тому, что называется ценностью в традиционной теории Ф. де Соссюра.

Когнитивная картина мира

Своеобразие целостной когнитивной картины мира индивида обусловлена обратной связью ее составляющими: неповторимостью этнической картины мира, языковой картины мира, концептуальной картины мира, системы ценностей и т. д. Хотя соотношение этих связей складывается в уникальный калейдоскоп индивидуального восприятия мира, все же значительная часть этих отношений между составляющими когнитивной картины мира является социально типичной, а поэтому моделирует и отражает характерный для данного социума тип социального поведения и структурирования информации. Поверхностным отражением и проявлением своеобразного структурирования информации является социальное поведение и, как его часть, речевая деятельность (текстообразование и тексты). Особенности отдельных фрагментов в моделировании когнитивной картины мира можно продемонстрировать на примере своеобразия правового сознания русских (в частности, своеобразия семантики и прагматики концепта *закон*).

Наиболее важным в специфике правового сознания русских является то, что для русских понятие закона автоматически не ассоциируется, как этого можно было бы ожидать, с понятием справедливости, а даже наоборот, может быть его антонимом. Именно своеобразие понятийных ассоциаций семантического поля и ценностных установок по отношению к лексической единице закон содержит в себе неповторимость прагматики понятия закон в когнитивной картине мира носителей культуры и цивилизации. Не стоит искать в словарях такую дефиницию понятия закон, которая бы соответствовала ценностно концептуальным для носителей русской когнитивной картины мира представлениям и установкам. Как утверждают современные исследования, содержание и смысл русской лексической единицы закон по причине ее национального своеобразия невозможно свести к соответствующим лексемам европейских языков. Развернутое представление дает лишь анализ всех связей этого понятия и лексемы – а это и есть место слова в русской когнитивной картине мира.

Своеобразие определенных аспектов когнитивной картины мира на примере концепта закон является очень показательным. Анализ этнико-когнитивного своеобразия понятия закон начнем со следующих двух утверждений:

1. Русская картина мира ориентирована не на рефлексивную систему понятий освоения действительности, а на эмоциональную систему традиционных, общинных ценностей.

2. В России мало кто может и мало кто хочет жить по закону. Власть, даже если бы хотела, не может, так как ей не на что опереться (как это ни парадоксально, в том числе, например, и на общественное мнение), поскольку традиционное отношение к закону у русских более чем двусмысленно. Бизнес не хочет жить по закону, так как ему это невыгодно и просто потому, что это невозможно в существующих реалиях. Самое удивительное, однако, состоит в том, что сам народ не хочет (или в более мягком варианте, не умеет) жить по закону. Только обобщенно и отвлеченно в обыденной коммуникации современных россиян нередко утверждается, что хорошо было бы жить по закону, но на этом все пожелания и заканчиваются. По нашему мнению, подобное состояние правового сознания русских является исторически и культурно-цивилизационно обусловленным.

Своеобразие правового сознания русского человека хорошо демонстрирует противопоставление двух пословиц: латинской «*Dura lex, sed lex*» (суров закон, но закон) и русской – «закон – что дышло, куда повернешь – туда и вышло». Исторической основой социального способа жизни всегда была община, которая традиционно противопоставлялась всем формам государственности. Как утверждает А. Мельникова, поскольку доверие граждан традиционно проявляется только в отношении к общине и к идеалу доброго царя, то не удивительно, что «в системе русской ментальности важнейшим способом действия, ведущим к победе добра над злом, является отнюдь не закон, устанавливаемый «врагом-государством» (Мельникова, 2003: 137). Ю. М. Лотман также акцентирует характерное для бинарных (традиционных) систем «стремление заменить юриспруденцию моральными или религиозными принципами» (Лотман, 2001: 142). Подобные традиционные представления получили развитие в русской художественной литературе. Ю. М. Лотман отмечает «устойчивое стремление русской литературы увидеть в законе сухое и бесчеловечное начало в противоположность таким неформальным понятиям, как милость, жертва, любовь» (Лотман, 2001: 143). За этим скрывается, как утверждает Ю. М. Лотман, «антитеза государственного права и личной нравственности, политики и святости» (там же: 143); ср. также: «С Гоголя, особенно с его «Выбранных мест», начинается традиция противопоставления государственного закона и человеческой морали... Адвокат – неизменно отрицательная фигура и у Толстого, и у Достоевского» (там же).

Помня известную русскую истину, что поэт в России больше, чем поэт, обратим внимание на влияние русской литературы и русских писателей и поэтов на картину мира русского человека.

Например, в повести «Капитанская дочка» А. Пушкина Маша Миронова обращается к царице Екатерине II: «Я приехала просить милости, а не правосудия»¹. А. Мельникова в связи с этим акцентирует: «истоки такого отношения коренятся в различном понимании «правды» и «истины» в русской культурной традиции. ... правда понимается русскими как категория, выражающая целостное мировоззрение человека, понятие, основанное на вере, традициях, представлении о справедливости в отношениях между людьми («жить по правде»), а истина – только «общезначимая обезличенная констатация соответствия высказывания действительности» (Мельникова, 2003:141).

Очень характерным в этом отношении является утверждение И. Тургенева: «Истина не может доставить блаженства... Вот Правда может. Это человеческое, наше земное дело... Правда и Справедливость!»². А. Солженицын у книги «Россия в обвале» пишет: «Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое... Тут – и явная подкупность многих, кто вершит закон. Но вместо правосознания в народе всегда жила и сегодня еще не умерла – тяга к живой справедливости»³. Также Ф. Достоевский в свое время отмечал, что, когда русский вынужден выбирать между истинной и справедливостью, он скорее отдаст преимущество обману, чем несправедливости. «... «истина» и «справедливость» в сознании русского человека в конкретных случаях вполне могут не совпадать и справедливость всегда будет дороже истины, даже если для ее восстановления придется прибегнуть ко лжи» (см.: Мельникова, 2003: 141).

На основании осмысления этих исторических предпосылок возникает вопрос, каким является современное состояние правового сознания типичного русского человека. Ответом на этот вопрос может быть анализ того, насколько сохранились или изменились отмеченные выше коннотации в функционировании таких ключевых понятий как закон, справедливость, правда и под., а также анализ того, какой является специфика их соотношения и взаимообусловленности.

Как показывают исследования морального и правового развития современной молодежи, противопоставление закона и совести буквально лежит на поверхности ответов в социологических анкетах. «антитезой закону в русской картине мира выступает справедливость... эквивалентов в западных языках слово справедливость не имеет: близкие по значению слова подчеркивают законность (французское *juste*, английское *just*), честность (англ. *fair*), правоту говорящего (немецкое *gerecht*)... Результаты социологического исследования РОМИР [показывают], что 56,9 % россиян согласны с утверждением, что власть должна управлять страной по справедливости, а не по букве закона» (Мельникова, 2003: 138).

Сравнительное исследование отношения к законам (в России, США, Дании, Италии и др.) выявило, что у русских респондентов «изначально существует разграничение понятий закон и мораль, что и вызвало трудности в определении «справедливого закона», так как понятие справедливость у россиян связано с областью нравственности, а законы считаются несправедливыми, бездействующими и необъективными». ...[на Западе] понятия закон, мораль, справедливость на первоначальном уровне осмысления слиты воедино» (Мельникова, 2003: 140). Разница в подобном отношении к закону и справедливости нашла свое отражение в русском феномене «нравственной лжи». А. Мельникова отмечает для современных россиян приемлемость ложного свидетельства во имя спасения несправедливо осужденных: «статистически значимое большинство респондентов не только считают приемлемой так называемую «ложь во имя спасения», но и согласились бы, например, дать в суде ложные показания ради спасения невиновного обвиняемого. ...ложные показания в суде во имя спасения невиновного человека в психологическом и нравственном плане перестают быть ложными» (там же: 141).

Таким образом, существенным является то, что справедливость у русских связана не с законом, а с моралью. Государство противопоставлено общине, а не народу. Из этого вытекают более частные тезисы. Мораль – это антоним к законности. Справедливость – это антоним к законности. Истина противопоставлена правде. Закон противопоставлен справедливости, поэтому ложь может быть равна справедливости.

Все эти характеристики проявляют мышление, ориентированное не на рефлексивную систему понятий освоения действительности, а на эмоциональную систему общинных ценностей. У русских правда связана с моралью (общинной) и представлением о справедливости, и противопос-

¹ Пушкин А. Капитанская дочка, <http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0869.htm>, 08.10.2012

² Тургенев И. Истина и Правда, http://www.rvb.ru/turgenev/01text/vol_10/02senilia/0294.htm, 08.10.2012

³ Солженицын А. Россия в обвале, http://bookz.ru/dl2.php?id=13971&t=z&g=20&f=solzhenicyn_obval&a_id=1382, 06.10.2012

тавлена истине (как логическое соответствие высказывания действительности), закону (власть и государство).

Поэтому для русских **настоящий** закон (как культурный концепт) – это правда и справедливость общинной морали. И форма этого концепта опирается на знаки *община, мораль, правда, справедливость*,

А существующий **государственный** закон (как тот же культурный концепт) – это абстрактная законность государственной власти. И здесь концепт в своей форме опирается на языковой знак *закон*. Таковой является в общих и наиболее характерных чертах семантика и прагматика концепта *закон* в русской когнитивной картине мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кошелев А.Д. О языке психолингвистики // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д.Кошелев, Т.В.Черниговская. – Москва, Языки славянских культур, 2008, с. 21-40
2. Лотман Ю. М. Семиосфера, С.-Петербург, Искусство, 2001
3. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности, СПб, 2003
4. Аскольдов С. А см.: Сорокина А. В. Концепт в системе культуры: философский, культурологический, лингвокогнитивный подходы, [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2011_1\(21\)/23.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2011_1(21)/23.pdf) 30.07.2013
5. Степанов Ю. С. Концепт <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm> 30.07.2013
6. Кравченко А. В. Что изучает концептология? <http://www.academia.edu/1148123/> 30.07.2013
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/> 30.07.2013
8. Пушкин А., Капитанская дочка, <http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0869.htm>, 08.10.2012
9. Солженицын Александр, Россия в обвале, http://bookz.ru/dl2.php?id=13971&t=z&g=20&f=solzhenicyn_obval&a_id=1382, 06.10.2012
10. Тургенев И. Истина и Правда, http://www.rvb.ru/turgenev/01text/vol_10/02senilia/0294.htm, 08.10.2012